

Экономика территорий

УДК 330.35(470)

ББК 65.9(2Рос)-962

© Сухарев О.С.

СТРУКТУРНАЯ ДИНАМИКА ЭКОНОМИКИ РОССИИ: К НОВОЙ МОДЕЛИ РОСТА

СУХАРЕВ ОЛЕГ СЕРГЕЕВИЧ

доктор экономических наук, профессор
заведующий сектором институционального анализа экономической динамики
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук
E-mail: o_sukharev@list.ru

Рассмотрены проблемы макроструктурной динамики экономики России, сводимые к четырем основным явлениям: доминированию топливной промышленности по доле производства в общем объеме промышленного производства относительно доли машиностроения; разрастанию финансового сектора, тормозящего рост, а также снижающего возможность задействовать новые факторы роста; переливу ресурсов – труда и капитала – из секторов обработки в добывающий и транзакционные (услуги, финансово-банковский) сектора; снижению общей «технологичности экономики» на фоне увеличения доли инновационных работ услуг в общем объеме производства. На основе ранее предложенной автором модели «2x2» – «инвестиции-сбережения», «финансовый-нефинансовый» сектор, определено одно из весомых структурных ограничений экономического роста в России: причина трудностей стратегического характера в запуске роста на новых факторах состоит в разрастании финансового сектора, неэффективных институтах, регулирующих и задающих режим его функционирования, что требует обоснованного изменения денежно-кредитной и финансовой политики в стране. Перспективу настоящего исследования составляет исследование проблемы распределения эффекта денежно-кредитной и бюджетной политики (в рамках бюджетного федерализма) в региональном разрезе. Параметры институционального смещения финансового сектора можно определить для различных регионов с тем, чтобы обосновать методы региональной политики для выправления складывающейся дивергенции и решения задачи управления переливом различных ресурсов между секторами российской экономики.

Структура, экономический рост, макроэкономическая политика, новая модель, факторы.

В российской экономике сложилась структура, определяемая доминированием сырьевых секторов над обрабатывающими секторами. На *рисунке 1* отражена динамика доли топливной промышленности и машиностроения в общем объеме производства. Данный крест примерно с 2000 года и до сих пор можно назвать «технологических крестом» развития России, ибо секторы с низким уровнем переработки преобладают в развитии над секторами с высоким уровнем переработки ресурсов и высокими технологиями. Безусловно, в сырьевом комплексе также имеются проблемы применения высоких технологий и инноваций, с тем, чтобы повышать эффективность функционирования – добычи и переработки ресурсов. Однако обрабатывающие секторы всегда задавали тон технологическому развитию, определяя массив позитивных технологических изменений.

Как видим из рисунка 1, доминирование относительно простых в технологическом отношении производств очевидно на пятнадцатилетнем периоде развития российской экономики, причем различ-

ные периоды характеризуются как сокращением этой разницы, так и ее увеличением. Так, в период кризиса 2014 – 2016 гг. доля топливной промышленности увеличивается, машиностроения – сокращается. Таким образом, макроэкономическая политика преодоления кризиса фактически не способствует сглаживанию этой большой структурной диспропорции, а только усугубляет ее. Более того, нужно отметить, что принимаемые программы, планы, различные институциональные воздействия на систему не изменили характер динамики фактически почти параллельных линий на графике рисунка 1. Это говорит об эффекте ригидности базисной экономической структуры, а также о том, что кризис 2014 – 2015 гг. и принимаемые действия в рамках правительственной политики пока не исходят из логики влияния этой структуры как на саму экономику, так и на применяемые меры политики.

Примем, что $Y = C + I + G + NX$; $c = C/Y$, $n = I/Y$, $a = G/Y$, $b = NX/Y$ – структурные параметры валового внутреннего продукта по расходам, для темпа роста со-

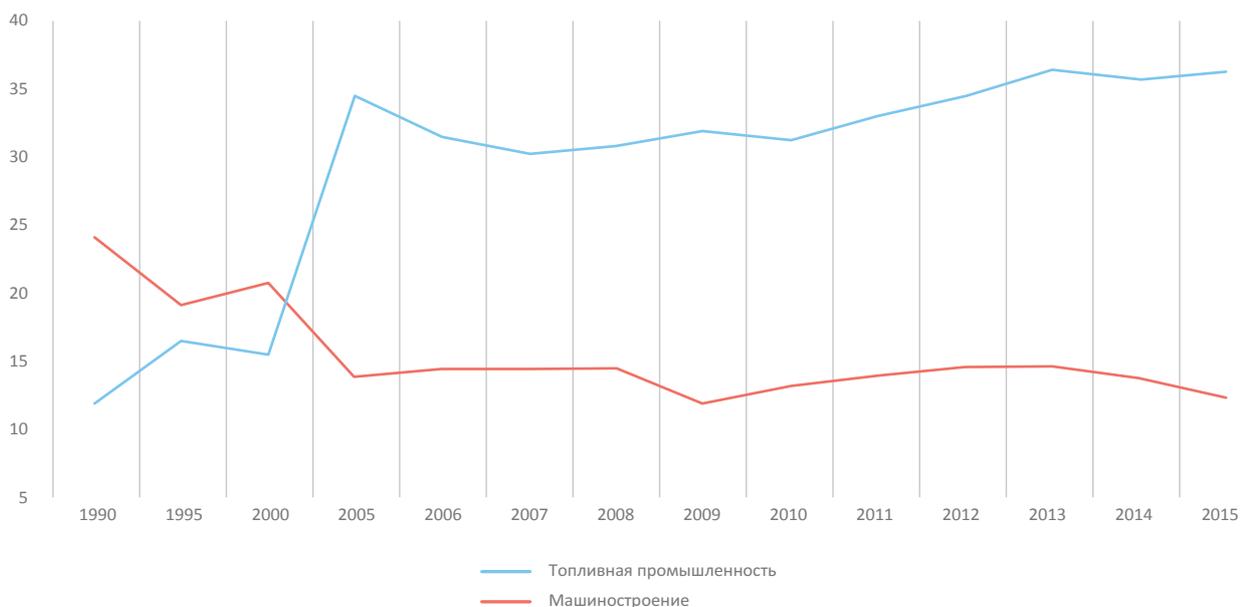

Рис. 1. Динамика доли топливной промышленности и машиностроения в общем объеме производства

ответственно продукта, потребления, валовых инвестиций и чистого экспорта запишем соотношения: $g = (1/Y) dY/dt$; $g_c = (1/C) dC/dt$; $g_I = (1/I) dI/dt$; $g_G = (1/G) dG/dt$; $g_{NX} = (1/NX) dNX/dt$. Тогда $g = g_c c + g_I n + g_G a + g_{NX} b$. Тот из структурных параметров, который определяет наибольший вес компоненты расходов в ВВП, и будет в существенной степени определять темп роста либо его торможение. Конечно, возможна композиция по нескольким компонентам.

Изменение чистого экспорта происходит под воздействием снижения цен на нефть (экспорт снижается), девальвации (экспорт возрастает, с учетом эффект *j*-кривой), импорт дорожает, что отражает схема: $NX = \downarrow Ex - \uparrow Im$, цена на нефть марки брент - $P_{ob} \downarrow - Ex \downarrow$, девальвация - $e \uparrow \rightarrow Ex \uparrow - Im \uparrow$.

Правительственные расходы, при высокой сырьевой зависимости экономики, также зависят от сырьевого экспорта почти наполовину либо больше. Следовательно, сокращение доходов (D) по экспорту будет действовать в направлении сокращения расходов G. Конечно, импорт, подорожав, может сильно сократиться, так что общая величина Im снизится, а не возрастет, и торговый баланс улучшится, что сейчас и наблюдается в России. Однако такой эффект не будет, по всей видимости, длительным. Низкие цены на сырьевой экспорт не будут позволять существенно улучшить торговый баланс, ограничивая и ресурсы правительства по величине G. Тем самым $\downarrow G = f(D) = f(\psi(NX \downarrow))$.

Логику развертывания кризиса 2014 – 2015 гг. отражает рисунок 1-а. Согласно ему видно, что при девальвации $e \uparrow$, которую вызывает сокращение цены на нефть $P_{ob} \downarrow$, темп по чистому экспорту снижается, импортированная инфляция при высокой зависимости от импорта увеличивается, провоцируя общий рост

цен в стране. Это сокращает реальные располагаемые доходы населения, заработную плату W, величину прибыли (R) частник старается сохранить за счет сокращения заработной платы. Уровень потребления как итог таких или близких к ним реакций понижается $C = \varphi(R, W)$. При развертывании кризиса частнику не удается удержать и параметр прибыли R, прибыль также сокращается. Уровень доходов бюджета снижается в силу снижения поступлений по экспорту, правительство оказывается перед необходимостью сокращать расходы G, что еще сильнее снижает уровень потребления C, а также государственные инвестиции. Если в этом случае, а именно он присутствует в современной России, действовать в направлении существенного сокращения денежной массы и повышения ставки процента, то реакция системы в виде сокращения распространится на величину валовых инвестиций и совокупное потребление – C. Поддержать рост станет возможно за счет резервов и сбережений (рис. 1-а). Сокращение денежной массы, повышение процента с вытекающим сокращением инвестиций и потребления, при секвестре бюджета, даже при возвратном повышательном движении цен на нефть, восстанавливающим величину чистого экспорта, уже не сможет обеспечить восстановление роста. Такова цепочка развертывания спада 2015-2016 гг. в России.

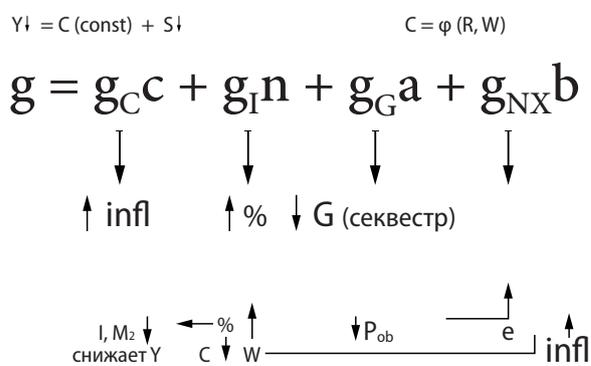

Рис. 1-а. Темп роста продукта экономики

Ошибки экономической политики, сводимой к рестрикциям в области бюджетной и денежно-кредитной политики, увеличивают глубину спада и срок восстановления экономического роста. Принимаемые меры не исходят из необходимости воздействий на сложившуюся экономическую структуру, что в итоге оборачивается лимитирующим влиянием структурных ограничений. Когда ведется речь о новых факторах экономического роста в России, полезно учитывать приведенную схему на рисунке 1-а, из которой следует, что потенциально возможны три движущие рост силы: потребление, инвестиции и чистый экспорт (международная торговля). Если существуют ограничения по третьей компоненте (санкции, мировая рецессия и т. д.), то остаются по существу две компоненты – потребление и инвестиции, плюс, конечно, правительственные расходы, то есть монетизация экономики через бюджетный механизм. Этот способ также имеет внутренние ограничения. Поэтому по большому счету остаются два фактора, действуя на которые, стимулируя потребительский спрос и инвестиции, можно противостоять спаду и затем выйти на траекторию экономического роста. На мой взгляд, нужно понимать инфляционную природу этих двух факторов роста с тем, чтобы не подменять экономическую политику исключительно борьбой с инфляцией, в ущерб использованию названных факторов. Если при этом не предусматривать мер структурной политики, то концентрируемый по названным факторам ресурс будет в рамках сложившейся структуры распределяться таким образом, что большая его часть поступит в доминирующий сектор. Следовательно, нужно создавать ограничения по межсекторальному переливу ресурсов, для выхода на новую траекторию роста на новых факторах. Ниже покажем причину и правдоподобие данного тезиса.

Итак, рассмотрим, к чему приводит доминирование (рост) финансового сектора в России.

Исходя из ранее предложенной авторской модели¹, оценим темп роста российской экономики (рис. 2, слева), если бы финансовый сектор не увеличивал свое довлеющее влияние, сравнив с реальным темпом в период 2010 – 2015 гг. Справа на рисунке 2 показана динамика ВВП по модели и по факту для РФ в ценах 2000 года. Также видно, что финансовый сектор, расширяясь, по факту (нижний график) дает меньшую величину темпа ВВП, с уходом в отрицательную область в 2015 году, нежели в ситуации, если бы он был стабильным – верхний график. Так называемое институциональное смещение γ_0 , позволяющее оценить превышение финансовых инвестиций над разницей между величиной сбережений и инвестициями в реальном секторе, показано отдельно на рисунке 3.

Как видно из рисунка 2, наличие финансового сектора сильно снижает темп роста, который отличается от теоретического по введенной модели.

Рисунок 2-а показывает динамику параметра, отражающего рост доминирования финансового сектора, более чем в 5 – 6 раз. На рисунке 3 (слева) приведен этот же параметр, но в ином масштабе, и резкие изменения его в 2009 и в 2013 – 2014 гг. отражают финансов-экономический кризис в России.

Увеличение влияния финансового сектора отображает рисунок 3, где показано институциональное смещение, которое приобретает просто гигантское значение в кризис 2009 года (положительная область) и еще большее – перед кризисом 2014 года (отрицательная область), что говорит о разных причинах изменений.

¹ Сухарев О. С. Экономическая динамика: институциональные и структурные факторы. – М. : Ленанд, 2015. – С. 19–22; Теория реструктуризации экономики. – М. : Ленанд, 2016. – С. 251–253.

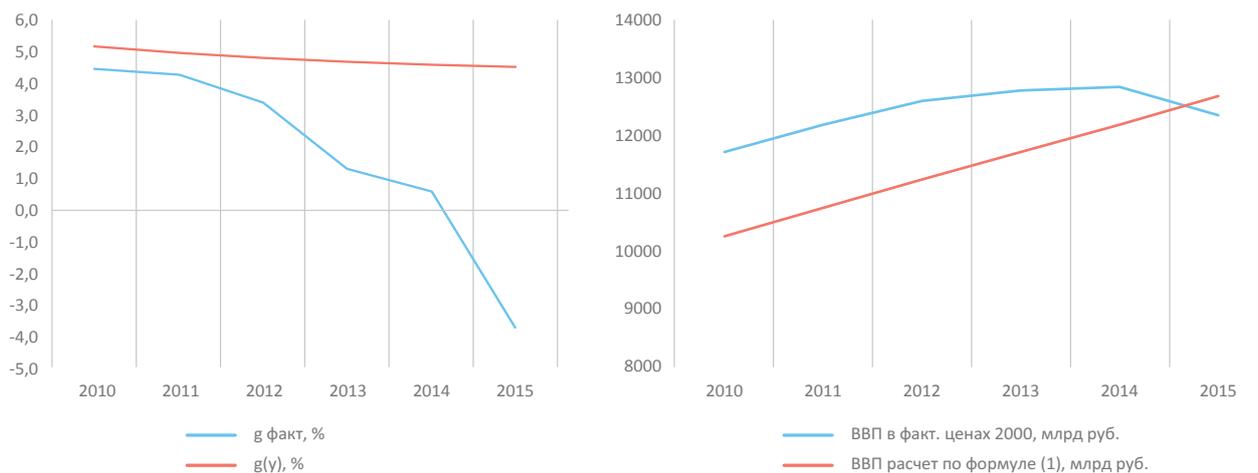

Рис. 2. Темп роста российской экономики фактический и в предположении невлияния финансового сектора 2010 – 2015 гг.

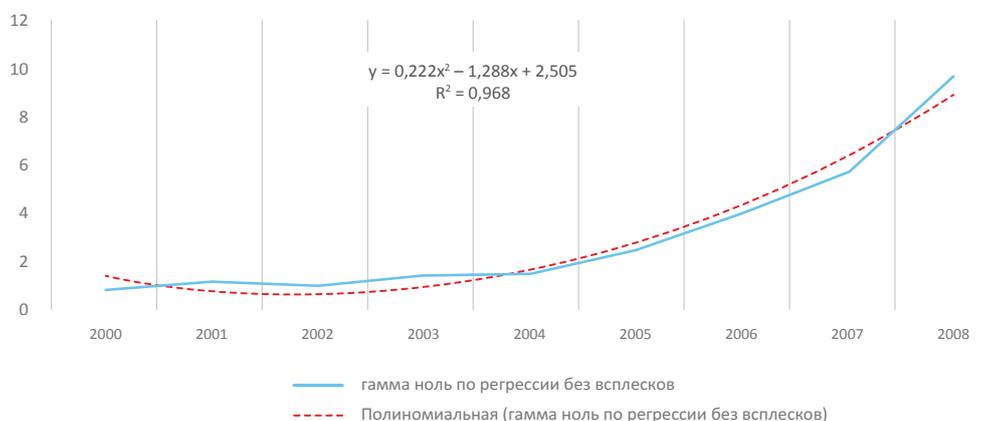

Рис. 2-а. Динамика «институционального смещения» в пользу финансово сектора России, 2000 – 2008 гг.

В 2009 году произошел резкий рост финансовых вложений, сбережения превышали инвестиции в основной капитал. Накануне кризиса 2014 года финансовые вложения возросли еще сильнее – в разы, а вот разница сбережений и инвестиций в основной капитал была отрицательной, что можно связать с попытками обновления капитала в этот период. При этом сглаженная функция роста финансового сектора показана на рисунке 3 снизу.

При снижении процентной ставки (ключевой) с 25% до 7 – 8%, как показывают результаты эмпирического анализа российской экономики, финансовые инвестиции увеличивают где-то в 6 раз, примерно с 3 до 16 – 17 трлн рублей, ин-

вестиции в обрабатывающих секторах – примерно с 1 до 2,5 – 3 трлн рублей, то есть в 2,5 – 3 раза. В итоге, если финансовый сектор при высоком проценте по параметру инвестиций доминировал примерно в 3 раза, то при снижении процента, без иных институциональных изменений, по этому же параметру он доминирует в России в 5 – 6 раз.

Таким образом, одним из весомых факторов дестабилизации и слабости проводимой денежно-кредитной политики является наличие финансового сектора с созданными для его функционирования институтами – он явно замедляет темп экономического роста, ввергая экономику России к 2014 – 2015 гг. в рецессию

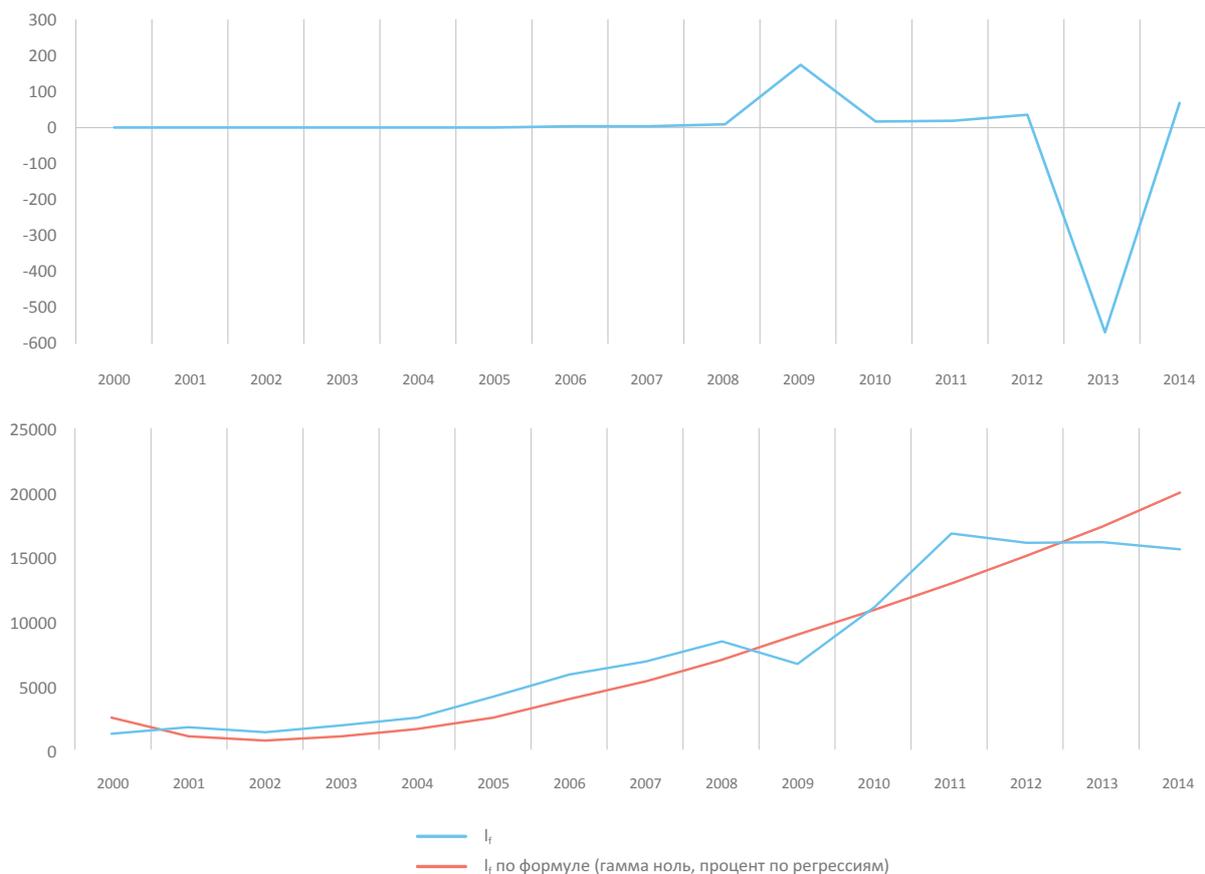

Рис. 3. Институциональное смещение γ и финансовые инвестиции I_f в экономике России, 2000 – 2014 гг.

(конечно, одним из толковых факторов этой рецессии является крупная девальвация 2014 года). Наличие столько резко растущего финансового сектора вкупе с известными ошибками денежно-кредитной политики² составляет структурное условие российского кризиса 2015 – 2016 гг., смещает акценты в правильной оценке новых факторов для запуска экономического роста. Причиной является финансово-спекулятивная деятельность, которая находится вне зоны контроля обоснованной макроэкономической по-

² Доклад академика С.Ю. Глазьева «О неотложных мерах» 2015 года. Проведенный здесь анализ и теоретические построения выполняют функцию научного обоснования и теоретического базиса для сформулированных нормативных предложений этого доклада, цель которых – ограничить и взять под контроль неуправляемый финансовый рынок, используя его ресурс для подъема обрабатывающих производств.

литики правительства, и способствует вымыванию финансовых ресурсов из обрабатывающих секторов и отдельных регионов, приводя, в конечном итоге, к возрастанию дефицита региональных бюджетов, порождая неэффективную с точки зрения задач развития модель развития территорий и секторов российской экономики, за счет неуправляемого перелива ресурсов – труда и капитала в пространстве, во времени и по объектам.

Интересен эффект перелива труда и капитала между видами деятельности в Российской Федерации.

Сложившаяся экономическая структура в России выступает своеобразным правилом управления переливом ресурсов между видами деятельности и секторами хозяйственной системы. Релевантным для развития экономики выступает соотношение рентабельности и

риска различных видов деятельности, процентная ставка формирует цену денежно-кредитных ресурсов, замыкая данную схему. В России сложилось уникальное во многом структурное соотношение, когда наиболее рентабельные виды деятельности (услуги, торговля, финансы, банки, добыча) относительно низко рискованны, а низко рентабельные виды деятельности (обработка, НИОКР, высоко технологичное производство) относительно высоко рискованны. При довольно высоком проценте такая схема развития становится «запирающей», а именно: ресурсы покидают секторы, где рентабельность низка, риск высок, распределяясь по иным сферам деятельности. Конечно, заработная плата по видам деятельности отражает также наличие данной «структурной вилки», она относительно высока в первой группе секторов и относительно низка во второй группе секторов. Таким образом, возникает градиент перелива ресурса по труду, а также по капиталу.

Покажем такой эффект перелива ресурсов на эмпирическом материале по России. Данные для расчета взяты из статистических сборников Росстата. Расчет относительного риска производился по стандартному квадратичному отклонению, доходность деятельности бралась в процентах средняя за период 2003 – 2015 гг. Оценка осуществлялась по видам экономической деятельности: обрабатываю-

щие производства, добыча полезных ископаемых, финансовая деятельность.

Нужно отметить, что относительный риск снижался по всем рассматриваемым видам деятельности вплоть до 2014 – 2015 гг., когда он увеличился до уровня 2008 года (рис. 4).

Наименьший риск демонстрирует финансовая деятельность относительно добычи и обработки. Важно сказать, что судя по графикам на рисунке 4 риск финансовой деятельности резко увеличивается накануне кризиса, то есть в 2008 году и в 2013 – 2014 гг. Отличие кризиса 2009 года от кризиса 2014 – 2015 гг. состоит в том, что риск в обработке в 2009 году продолжал снижаться, а в 2014 году также резко возрос, как и риск финансовой деятельности. Это связано в основном с тем, что кризис 2009 года в большей степени был кризисом финансовым, а вот рецессия 2014 – 2016 гг. подготовлена последующей эволюцией экономической системы России, которая на протяжении 2012 – 2014 гг. планомерно вползала в спад (неуклонное сокращение темпа роста от квартала к кварталу), исчерпывая реальные факторы развития экономики. Из рисунка 1 видно, что структурное соотношение между топливной промышленностью и машиностроением в общем объеме промышленного производства в 2014 – 2015 гг. только ухудшилось.

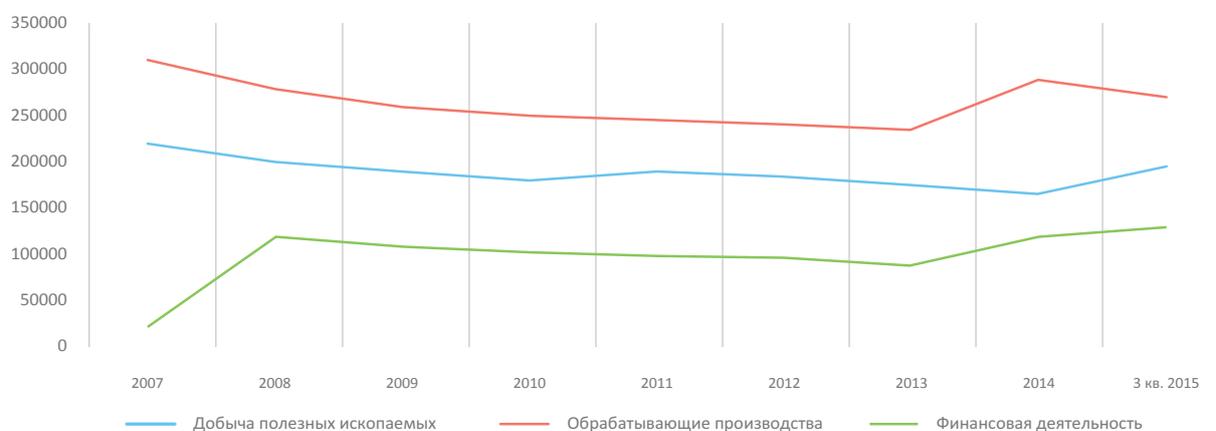

Рис. 4. Величина относительного риска, 2007 – 2015 гг., руб.

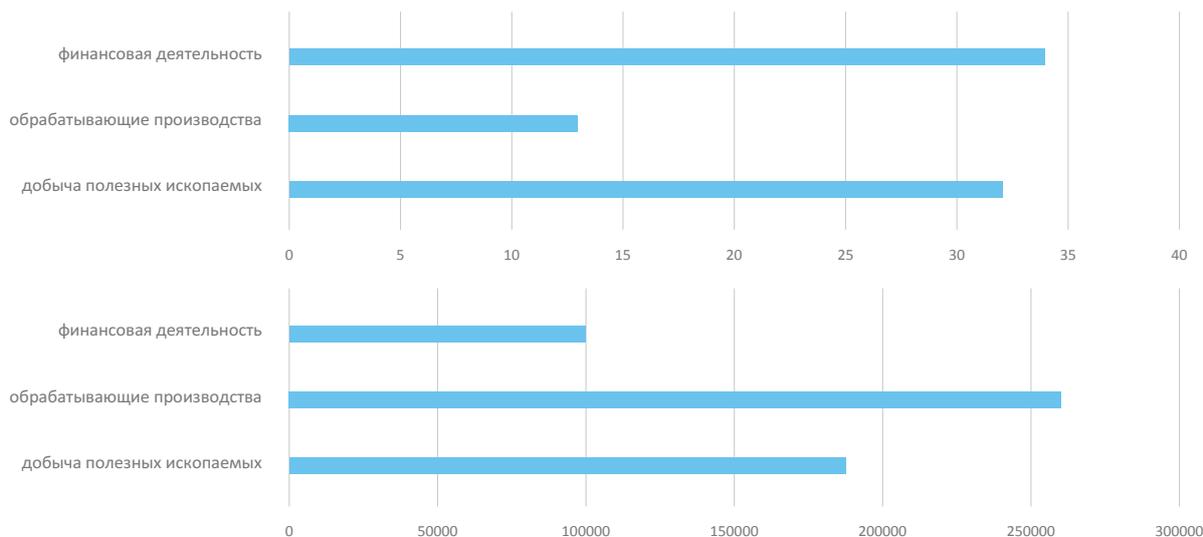

Рис. 5. Средняя доходность (сверху) и относительный риск (снизу) по видам деятельности, 2003 – 2015 гг, %, руб.

Как видно из *рисунка 5*, средняя доходность финансовой деятельности в России за период 2003 – 2015 гг. в три раза выше доходности в обрабатывающих производствах и совсем немного выше доходности по добыче полезных ископаемых. Важно отметить, что относительный риск (как бы ни считать грубой оценкой по квадратичному отклонению) в обрабатывающих производствах превышает аналогичный параметр для финансового сектора в 2,5 раза, то есть практически во столько же раз, во сколько средняя доходность финансовой деятельности выше доходности в обработке.

Таким образом, сформировавшийся «структурный перекося» в российской экономике налицо, он подтверждается оценочными расчетами, эмпирическими данными.

Далее в *таблицах 1 – 2* приведена количественная оценка перелива ресурсов по видам деятельности – по труду 2014 к 2005 году и 2014 к 2000 году и капиталу в период 2000 – 2014 гг.

Как видно из анализа приведенных расчетных данных таблиц 1 – 2, наблюдался перелив ресурсов (труда и фондов) от секторов обработки в секторы добычи, транзакционные секторы и инфраструктуру.

Это создавало специфику режима функционирования российской экономической системы. Причем сложившиеся соотношения не чувствительны к проводимым мерам денежно-кредитной и бюджетной политики. Институционально закрепленное правило «рентабельность-риск-процент» распределит ресурс между секторами соразмерно сложившейся структуре. Если не измерять и не учитывать чувствительность сложившейся хозяйственной структуры к мерам правительственной политики, изменить ее в обозримой перспективе стереотипным инструментарием, который применяется в текущем режиме, не представляется возможным. Нужна специальная экономическая политика, которая формирует как новые секторы экономики, так и ренимирует те, где позиции на рынках, включая внутренний рынок, были потеряны. Появление новых комбинаций с позиций теории Шумпетера, развитой автором³, способно перераспределить ресурсы и между старыми комбинациями. Иными словами, политика экономического роста на новых факторах требует исходить из задачи модификации сло-

³ Сухарев О. С. Теория реструктуризации экономики. – М.: Ленанд, 2016. – С. 212–232.

Таблица 1. Изменение в структуре занятых в 2014 году к 2005 и к 2000 годам соответственно

ВЭД	Изменение в структуре среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности, % 2014 г. к 2005 г.	Изменение в структуре среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности, % 2014 г. к 2000 г.
Всего в экономике	–	–
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	-2	-4,7
рыболовство, рыбоводство	0	0
добыча полезных ископаемых	-0,1	-0,1
обрабатывающие производства	-2,8	-4,5
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	-0,1	-0,1
строительство	0,9	1,7
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	2,1	5
гостиницы и рестораны	0,4	0,4
транспорт и связь	0,1	0,2
финансовая деятельность	0,6	0,9
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	1,2	1,7
государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	0,4	0,7
образование	-1	-1,2
здравоохранение и предоставление социальных услуг	0	-0,2
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	0,2	0,1

Таблица 2. Структура основных фондов по видам экономической деятельности (на конец года; по полной учетной стоимости)*

	Изменение 2014 г. к 2004 г.
Все основные фонды, в т. ч. по видам экономической деятельности:	-
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	-1,1
рыболовство, рыбоводство	-0,1
добыча полезных ископаемых	2,3
обрабатывающие производства	-1
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	-0,8
строительство	-0,5
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	1,6
гостиницы и рестораны	-0,1
транспорт и связь	0,3
финансовая деятельность	0,8
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	-1,6
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	2
образование	-0,8
здравоохранение и предоставление социальных услуг	-0,5
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	-0,5

* Рассчитано по: Россия в цифрах. 2014 : крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – С. 74; Россия в цифрах. 2015 : крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – С. 64.

жившейся экономической структуры и разворачивать правительственные меры по линии процент-рентабельность-риск. Здесь важно использование и метода межотраслевого баланса как мощного метода структурного анализа и управления экономикой, а также представлять экономическую систему по видам деятельности как своеобразный «портфель», объекты которого влияют на распределение ресурсов и итоговую результативность друг друга.

В таблице 3 приведены результаты расчета числа занятых и основных фондов в добывающем и обрабатывающем секторах экономики России в период 2008 – 2014 гг., а также изменение общего технологического уровня⁴.

Таблица 3. Технологический уровень и перелив ресурсов в России 2008 – 2014 гг.

	Технологический уровень	Число занятых, %	Основные фонды, %
Добыча полезных ископаемых	-0,07	1,75	93,24
Обрабатывающие производства	-0,14	-13,65	56,52

Технологический уровень снижается и по добыче и по обработке, даже несмотря на тот факт, что в тот же период доля инновационных работ услуг в общем объеме возросла по экономике в целом с примерно 5,5 до 9% и по промышленности до 12%. Эта проблема и эффект скорее всего связан со статистическим учетом инноваций по форме 4, где фигурируют пять типов инноваций: технологические, продуктовые, процессные, маркетинговые и организационные. Причем инновацией считается и усовершенствование – такое, коего не было на данном предприятии или рынке. Иными словами, учет инноваций «скрадывает» эффект тира-

⁴ Расчет выполнялся по формуле, полученной в работе автора: Экономический рост, институты и технологии. – М.: Финансы и статистика, 2014, 2015.

жирования и воспроизведения прошлых результатов (например, НИОКР). Доля инноваций может возрасти, а общий технологический уровень, который можно измерять, например, изменением величины добавленной стоимости на единицу используемого ресурса, может снижаться. Важно еще отметить, что анализ расходов на старые и новые технологии показывает⁵, что общий технологический уровень для России повышали именно расходы на старые, а не на новые технологии, причем доля последних была крайне низка около 1,0 – 1,14% ВВП за период 2008 – 2014 гг. Доля расходов (на поддержку или использование) в старые технологии составляла порядка 13 – 15,5 % ВВП.

Следовательно, чувствительность расходов по новым технологиям ниже, нежели чувствительность по старым технологиям. Это дает повод утверждать, что важна структура распределения инвестиций между старыми и новыми технологиями, а «распределительная» логика правительства РФ должна быть заменена на логику поощрения консервативных (а не только инновационных производств), и на создание нового ресурса (подобно тому как в советскую индустриализацию создавались сектора промышленности). Таким образом, структура «старые-новые» технологии, как и решение задачи распределения инвестиций в рамках этой структуры, будет играть весьма важную роль в организации экономического роста на новых факторах.

Запуск новой модели экономического роста будет затруднен структурными ограничениями развития российской экономики, основные из которых сводятся к

⁵ Примем, что расходы на новые технологии представляют собой расходы на НИОКР, а на старые – разницу между всей величиной инвестиций в нефинансовые активы предприятий и расходами на НИОКР.

следующим: доминирование сырьевых секторов над обработкой; довлеющее влияние финансового сектора; формирование правила межсекторального перелива ресурсов по линии «рентабельность-риск-процент», низкий уровень общей технологичности экономической системы.

На рубеже 1990 – 2000 гг. в России сформировалась «зона услуг» (транзакционных секторов), включающая финансовый сектор, но в основе ее формирования лежал процесс перекачки ресурсов из обработки за счет обеднения этой группы секторов. Дальнейшая пролонгация такой системы на рычаге перекачки, задаваемом самой структурой по линии «рентабельность-риск-процент», может создавать режим галопирующего развития – от кризиса к кризису через стадию короткого роста, если данное структурное ограничение не будет трансформировано.

Монетарная политика денежных властей России является неэффективной, не способствует экономическому росту и углубляет спад 2015 года, а также и 2016 года.

Рост денежной массы в большей степени стимулирует ВВП, нежели повышение уровня цен, более того, положительный прирост денежной массы в России способствовал снижению уровня цен (эмпирически подтверждается⁶).

Повышение процента в целом снижает прирост продукта, а инфляционное таргетирование контрпродуктивно для России, так как положительный прирост уровня цен (не выше 10%) способствует приросту валового продукта в той же мере, как и снижение инфляции до 5%, что подтверждается эмпирическим анализом. Относительно среднегодовой инфляции в 4% статистических исторических примеров такой низкой инфляции

в России просто нет. Вместе с тем таргетирование на таком уровне не отвечает состоянию экономики – базисным структурам, технологическим возможностям, зависимости от импортированной инфляции, а выполнение данного норматива, вероятно, обернется экономической энтаназией для обрабатывающих производств, при сохранении спекулятивных секторов. Таким образом, инфляция до 10% вполне реальна для запуска роста в России, и инфляционное таргетирование не выглядит убедительным ориентиром денежно-кредитной политики. Необходимо либо таргетировать объем реальных денег в экономике $M2/P$, исходя из потребности секторов в реальных деньгах, либо номинальный/реальный ВВП страны при соответствующей распределительной политике доходов с целью ликвидации высокого уровня неравенства в России. Денежно-кредитную политику вполне реально подчинить такой цели, привязав ее базовые индикаторы к решению структурных задач развития и роста⁷. Для этой цели необходимо разработать «процентный портфель» (а не только проектное финансирование под льготные процентные ставки) и ввести принцип «плохого баланса»⁸ для банковской системы.

Имеются все теоретические и эмпирические основания для решения задачи перераспределения ресурсов от финансового сектора России в пользу обрабатывающих секторов, что потребует специальных мер макроэкономической (денежной и финансовой) политики. Это позволит монетизировать дефицитные региональные бюджеты. Результативность любых планов, включая антикризисный и стратегию до 2030 года (нужно указать, что

⁶ Сухарев О. С. Вопросы стратегии развития России // Федерализм. – 2016. – № 1; Экономическая динамика: институциональные и структурные факторы. – М.: Ленанд, 2015.

⁷ Подробнее см.: Сухарев О. С. Теория реструктуризации экономики. – М.: Ленанд, 2016.

⁸ Сухарев О. С. Структурные проблемы экономики России. – М.: Финансы и статистика, 2010 (www.osukharev.com).

кризис 2015 – 2016 гг. свел к нулю возможность точного исполнения стратегии 2020), а также различных программ и методов управления макросистемой будет зависеть от величины создаваемого по каждому направлению деятельности плана ресурсов, а также от степени обоснованности решения задачи их распределения либо отвлечения из имеющихся сфер применения.

Для каждой экономики ситуация индивидуальна, и для России монетизация не представляет собой угрозы развертывания инфляции, если:

1) будет развернута система действий по блокаде спекуляций и по свертыванию режима дестабилизации валютного рынка согласно предложениям доклада «О неотложных мерах ДКП в России»⁹;

2) принята обоснованная схема планомерной монетизации с подбором инструментов, направленных на ликвидацию структурного перекоса российской экономики с синхронизацией мер промышленной и финансовой политики, для чего понадобится ввести шкалу дифференцированных ставок и принцип плохого баланса для банковской системы России¹⁰;

3) будет ликвидирован источник инфляции, связанный с девальвацией и запуском «импортированной инфляции» вследствие действий указанных финансовых рычагов и спекулянтов, когда повышение цен гасится поднятием одного из видов цен – процента. Кроме того, важ-

ны воздействия на немонетарные составляющие инфляции – регулирование тарифов, монопольных рынков и т. д.

Для России необходим системный план согласованных действий макроэкономической (ДКП и финансовой – налогово-бюджетной политики), промышленно-структурной, где последовательность ввода мер, а также распределение денежного ресурса между регионами и текущая их финансовая структура будет иметь значение относительно общих параметров развития.

Применительно к планированию политики в обрабатывающем секторе понадобятся следующие действия.

Во-первых, выраженную структурную иерархию функций, задач и ресурсов для их выполнения (четкое разделение и увязывание задач развития сектора на фундаментальные (Организации РАН), отраслевые (НИИ и КБ с опытными заводами) и серийного тиражирования продукции – заводы (как правило, со своими КБ) или НПО и НИИ).

Во-вторых, планирование рубежных показателей и создание режима состоятельности организаций (как в научно-технической, так и в производственной сфере, работа в альтернативных технических направлениях с формированием рынков).

В-третьих, в рамках государственных программ – системный подход к решению проблем научно-технического и ресурсного обеспечения (для формирования всей технологической цепочки) и специализация (на конкретных научно-технических направлениях при необходимой диверсификации производства и тематики поисковых работ).

В-четвертых, согласованность программ замещения импорта (программы по номенклатуре с созданием мотивации для частного сектора) и планирование, учет и контроль (разработка Программ,

⁹ Глазьев С. Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития // Инвестиции в России. – 2015. – № 11-12. – Режим доступа : www.glazev.ru

¹⁰ Подробнее см.: Сухарев О. С. Структурные проблемы экономики России [Электронный ресурс]. – М. : Финансы и статистика, 2010. – Режим доступа : www.osukharev.com; Сухарев О. С. Изменение доктрины денежно-кредитной и бюджетной политики в условиях рецессии // Федерализм. – 2015. – № 1.

прогнозов развития, каталогов продукции, маркетинговые исследования состояния отрасли, экспертиза НИОКР, обработка информации о технико-экономической деятельности).

Применительно к машиностроению необходимо согласовывать программы развития по трем направлениям: сырье и материалы, элементная база, средства производства. Эти три элемента являются тремя столпами современного машиностроения, замещение импорта по каждому направлению должно быть согласовано в рамках разрабатываемых программ также по трем элементам, составляющим основные причины импортной зависимости: широкая номенклатура, необходимый и достаточный уровень качества, доступность и информационная широта работы «импортной инфраструктуры». Применительно к четырем типам машиностроения – крупному, среднему, мелкому и элементной базе – можно предложить три типа планируемых программных действий, вытекающих из логики разрывов между этими типами машиностроения.

Для крупного машиностроения: целевым образом определить государственных исполнителей по приоритетным направлениям крупного машиностроения и целевое финансирование (без тендеров), с учетом длительных циклов НИОКР и производства, особо выделить компоненты заказа на перспективные НИОКР под субсидии государства и льготные ставки по кредитам и налогообложению.

Для среднего машиностроения: необходима программа стратегического развертывания (до 15 – 20 лет) и строительства заводов в области станкостроения и двигателестроения, с оценкой потреб-

ности по производству конечных видов продукции (самолеты, автомобильный и железнодорожный транспорт – перспективного назначения – скоростного движения и новых видов двигательных установок), а также обрабатывающих центров на новых технических и физических принципах.

Для мелкого машиностроения и элементной базы: отобрать имеющуюся в отечественном производстве элементную базу и мелкое оборудование – мелкое машиностроение – отвечающую мировому уровню качества, оставив закупки по импорту в обозримом периоде, с учетом взаимозаменяемости деталей машин, с тем, чтобы постепенно на следующих этапах осуществить полный переход посредством освоения элементной базы и деталей машин на отечественных предприятиях. Там, где циклы производства можно развернуть замкнутые, то необходимо это осуществлять, постепенно воссоздавая рынок машиностроения.

Создаваемые программы, в том числе замещения импорта, должны распространяться и задействовать следующие факторы развития: экономические, финансовые факторы (кредит, инвестиции); институциональные (структура владения активами объекта); технический потенциал развиваемой системы, исходное состояние (нет связи между технологичностью и ключевым параметром конкурентоспособности – «экстенсивная связь»); время изменения состояния системы, возможности использования инфраструктуры и т. д. Причем в рамках программ и институтов развития необходимо предусматривать обновление фондов, кадров, технологий, схемы накопления интеллектуального капитала и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абалкин, Л. И. Россия. Поиск самоопределения [Текст] / Л. И. Абалкин. – М. : Наука, 2005. – 464 с.
2. Глазьев, С. Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития [Электронный ресурс] / С. Ю. Глазьев // Инвестиции в России. – 2015. – № 11-12. – Режим доступа : www.glazev.ru
3. Канторович, Л. В. Избранные труды. К 100-летию со дня рождения [Текст] / Л. В. Канторович. – М. : Ленанд, 2012. – 186 с.
4. Сухарев, О. С. Экономическая динамика. Институциональные и структурные факторы [Текст] / О. С. Сухарев. – М. : Ленанд, 2015. – 240 с.
5. Сухарев, О. С. Экономическая политика и развитие промышленности [Электронный ресурс] / О. С. Сухарев. – М. : Финансы и статистика, 2011. – 216 с. – Режим доступа : www.osukharev.com
6. Татаркин, А. И. Региональная направленность экономической политики Российской Федерации как института пространственного обустройства территорий [Текст] / А. И. Татаркин // Экономика региона. – 2016. – № 1. – С. 9–27.
7. Татаркин, А. И. Мировой финансовый кризис и возможности реального сектора российской экономики [Текст] / А. И. Татаркин // Экономическая наука современной России. – 2010. – № 1. – С. 41–52.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сухарев Олег Сергеевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором институционального анализа экономической динамики. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук. Россия, 117248, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32. E-mail: o_sukharev@list.ru. Тел.: (499) 724-15-41.

Sukharev O.S.

STRUCTURAL DYNAMICS OF RUSSIA'S ECONOMY: TOWARD A NEW GROWTH MODEL

The paper considers the problems of macro-structural dynamics of the Russian economy; they consist of four main phenomena: the dominance of the fuel industry by the share of its production in the total industrial output relative to the share of mechanical engineering; the growth of the financial sector which inhibits the growth and reduces the ability to use new growth factors; transfer of labor and capital resources from the processing sectors to the mining and transaction sectors (services, financial-banking); reduction of the overall “technological performance” of the economy against the backdrop of increasing the share of innovative works and services in total production. Based on the model previously proposed by the author – the model “2x2” – “investment-savings”, “financial-nonfinancial” sector, the paper defines one of the significant structural constraints to economic growth in Russia: the reason for strategic problems in the launch of growth based on new factors lies in the expansion of the financial sector, inefficient institutions that regulate and define the mode of its functioning, which requires the substantiated change in the monetary and financial policy in the country. The prospect of this research is to study the issue concerning the distribution of the effect of the monetary and fiscal policy (in the framework of fiscal federalism) in the regional context. The parameters of the institutional bias of the financial sector can be defined for different regions, in order to justify the methods of regional policy to adjust the developing divergence and to solve the issue of managing the overflow of resources between different sectors of the Russian economy.

Structure, economic growth, macroeconomic policy, new model, factors.

REFERENCES

1. Abalkin L. I. *Rossiya. Poisk samoopredeleniya* [Russia. A search for self-determination]. Moscow: Nauka, 2005. 464 p.
2. Glazyev S. Yu. O neotlozhnykh merakh po ukrepleniyu ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii i vyvodu rossiiskoi ekonomiki na traektoriyu operezhayushchego razvitiya [On urgent measures to strengthen economic security of Russia and direct the Russian economy to the path of advanced development]. *Investitsii v Rossii* [Investment in Russia], 2015, no. 11-12. Available at: www.glazev.ru
3. Kantorovich L. V. *Izbrannye trudy. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya* [Selected works. To the 100th anniversary of the birth]. Moscow: Lenand, 2012. 186 p.
4. Sukharev O. S. *Ekonomicheskaya dinamika. Institucional'nye i strukturnye faktory* [Economic dynamics. Institutional and structural factors]. Moscow: Lenand, 2015. 240 p.
5. Sukharev O. S. *Ekonomicheskaya politika i razvitie promyshlennosti* [Economic policy and industrial development]. Moscow: Finansy i statistika, 2011. 216 p. Available at: www.osukharev.com
6. Tatarkin A. I. Regional'naya napravlennost' ekonomicheskoi politiki Rossiiskoi Federatsii kak instituta prostranstvennogo obustroistva territorii [Regional targeting of the economic policy of the Russian Federation as an institution of regional spatial development]. *Ekonomika regiona* [Economy of region], 2016, no. 1, pp. 9–27.
7. Tatarkin A. I. Mirovoi finansovyi krizis i vozmozhnosti real'nogo sektora rossiiskoi ekonomiki [Global financial crisis and the opportunities of the real sector of the Russian economy]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economic science of modern Russia], 2010, no. 1, pp. 41–52.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sukharev Oleg Sergeevich – Doctor of Economics, Professor, Head of the Sector for Institutional Analysis of Economic Dynamics. Federal State-Financed Scientific Institution “Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences”. 32, Nakhimov Avenue, Moscow, 117248, Russian Federation. E-mail: o_sukharev@list.ru. Phone: +7(499) 724-15-41.